

УДК 316.64
ББК 60.028.131
Т 81

Э.Н. Тужба,

доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии, правоведения и работы с персоналом Кубанского государственного технологического университета, г. Краснодар, тел.: +79184501122, e-mail: emirtu@yandex.ru

Т.Н. Чунихина,

кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры социологии, правоведения и работы с персоналом Кубанского государственного технологического университета, г. Краснодар, тел.: +79184882998, e-mail: tanirhbook77@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КАВКАЗСКИХ ЭТНОСОВ

(Рецензирована)

Аннотация. В статье рассматриваются социально-психологические универсалии кавказских этносов, позволяющие им однообразно воспринимать окружающую социальную действительность, действовать, в том числе, и в конфликтных ситуациях, руководствуясь существующими нормами, моделями поведения и установками. Показана зависимость социально-психических особенностей населения от природной среды обитания, географии расселения; влияние природы на восприятия индивида, тем самым, на судьбу и характер народа.

Ключевые слова: менталитет, этнос, стереотипы, примордиализм, идентичность, психологические универсалии, андроцентризм, межэтническая напряженность.

E.N. Tuzhba,

Doctor of Sociology, Professor, Professor of Department of Sociology, Jurisprudence and Work with Personnel, Kuban State University of Technology, Krasnodar, ph.: 79184501122, e-mail: emirtu@yandex.ru

T.N. Chunikhina,

Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Department of Sociology, Jurisprudence and Work with Personnel, Kuban State University of Technology, Krasnodar, ph.: 79184882998, e-mail: tanirhbook77@mail.ru

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE CAUCASUS ETHNOSES

Abstract. The paper explores social and psychological universals of the Caucasus ethnoses allowing them to perceive monotonously the surrounding social reality, as well as to act, including in conflict situations, being guided by the existing norms, behavior models and principles. The authors show dependence of social and mental features of the population on the environment of dwelling, resettlement geography; influence of the nature on perceptions of the individual, thereby on destiny and the nature of the people.

Keywords: mentality, ethnos, stereotypes, primordialism, identity, psychological universals, androcentrism, interethnic tension.

Социально-психологические особенности народов являются предметом исследования ученых с древнейших времен. В работах античных философов присутствуют размышления и наблюдения об образе жизни и представлениях различных народов (Азии, Европы, Африки), общественных групп и устройстве их обществ. В эпоху Возрождения и Просвещения классические труды Гердера, Лессинга, Дидро, Вольтера, Руссо, Ш. Монтескье, Д. Вико, Гегеля углубили представления о менталитете разных народов. Большую ценность в плане осмыслении культурных, аксиологических, антропологических типов мышления и поведения народов представляют труды Л. Леви-Брюля, Д.Д. Фрезера, К. Леви-Стросса, М. Элиаде. Среди российских авторов следует отметить работы Д.С. Лихачева, Л.Н. Гумилева, В.Н. Топорова, Ю.М. Лотмана, В.В. Иванова, А.Я. Гуревича, С.С. Аверинцева и др.

Такие понятия, как менталитет и ментальность, остаются дискуссионными в научном сообществе, а единого мнения относительно их связи и соотношения не существует. В социологической науке за менталитетом закреплена своеобразная совокупность разных психических качеств, проявлений и особенностей, свойственных социальной (национальной, этнической) группе, классу, социуму.

Под менталитетом понимается своеобразный социально-психологический тезаурус, который является общим для членов определенной социальной группы, позволяющий однообразно воспринимать окружающую социальную действительность, действовать, руководствуясь существующими в общности нормами и моделями поведения [1; 195].

Ментальность же – это комплекс, характеризующий духовность индивида, его осознаваемые установки, конкретные цели, природные свойства и инстинкты, чувства и разум,

мотивации, идеалы. Ментальность объединяет существующие традиции, результаты культуры, историческое прошлое, индивидуальный опыт и современные реалии. Ментальность определяет жизнь индивида, с одной стороны, на уровне осмысленного движения к целям, с другой стороны, на уровне подсознательного подчинения установкам и стереотипам. Ментальность – это сложное образование синергетического характера, которое играет важную роль в жизни человека.

Так же, как генетический аппарат формируется поколениями, так и менталитет является производным биографии и истории индивида, а свойства ментальности в полном объеме просматриваются в поведении массы [2; 190].

Традиции изучения менталитета и ментальности переплетаются с исследованиями этничности. Этничность выступает частью социальной идентичности индивида, функционирование которой подчинено социально-психологическим закономерностям. Анализ существующих теорий этничности предполагает выделение следующих подходов – инструментализма, функционализма, конструктивизма и примордиализма, разделение которых носит условный характер, так как они пересекаются и взаимодополняют друг друга.

Мы являемся сторонниками примордиалистской парадигмы, оценивающей этничность как характеристику представителя определенной этнической группы. Остановимся на ней поподробнее. Ее основа – это общее происхождение, кровное родство и общая территория проживания. Согласно представлениям примордиалистов, этносы (нации) «рождаются» подобно природному миру, с чем не согласны их оппоненты, полагающие, что нации создаются людьми. Примордиалисты полагают, что все современные нации являются продуктом развития древних народов, а их оппоненты

считают несущественными связи между современными нациями и досовременными культурными сообществами. Основное значение они придают национальному строительству, осуществляемому политическими акторами, обладающими необходимыми для этого ресурсами (политическими, экономическими, технологическими), благодаря которым возникают такие социальные общности.

Примордиализм в конце прошлого века в научном сообществе подвергся мощной критике, и, как следствие, численность его приверженцев сократилась. Тем не менее, примордиалистская концепция как концептуальная модель объяснения этничности существует. Примордиалистские воззрения на природу этничности возникли в контексте социобиологического подхода, в основе которого лежат идеи, сформулированные в работах Г. Спенсера и Ч. Дарвина. Законы естественного отбора выступают для представителей этого направления основными, а всякий индивид подчиняется инстинкту самосохранения, продолжения рода и распространения собственных генов, так как борьба за выживание происходит в коллективе, а осознание себя его частью заложено в человеческой природе. В формирующемся долгое время коллективе, сохраняющем устойчивость, возникает генофонд, отделяющий одну группу от другой, находящихся в борьбе за выживание и сохранение своих генов.

Г. Лебон, занимаясь проблемами наличия устойчивых универсальных психологических стереотипов в масштабах народа, расы, пишет: «Пастух, изменяющий видимую структуру животного, садовник, переделывающий внешний вид какого-нибудь растения до такой степени, что неопытный глаз едва ли может его распознать, не касаются основных черт вида, они лишь меняют побочные признаки. Несмотря на все усилия искусства, главные

черты вида проявляются в каждом новом поколении» [3; 26].

Существующие представления, которые автор разделяет на два типа: представления врожденные (преемственно унаследованные либо возникшие под влиянием чувств) и представления приобретенные (или умственные), составляют основу любой социальной системы. При этом подчеркивается приоритетность первых над вторыми. Под врожденными представлениями понимается духовная традиция, часть которой могут составить приобретенные представления, но только тогда, когда они повторяются из поколения в поколение и переходят в область бессознательного. Очень устойчивыми и меняющимися в течение долгого времени являются врожденные представления, передающиеся поколениям, формируя основу социального мировоззрения.

О. Шпенглер по этому поводу пишет: «Вместо удручающей картины линейной мировой истории просматривается созвездие большого числа мощных культур, с первозданной силой проистекающих из материнского чрева, с которым они связаны в процессе собственного существования. Каждая на теле человечества отчеканила собственную форму, идею, страсти, жизнь, волю, чувствования и свою смерть» [4; 183].

Культурные, экономические, политические категории, составляющие основу идеологии любого народа, детерминированы особенностями его духовной организации.

Одни и те же понятия по-разному воспринимаются представителями разных народов, и только опора на существующие в обществе представления позволяет реализовать распространяющуюся мировоззренческую идеологию или учение. Именно поэтому одна и та же религия подвергается существенным изменениям в среде разных народов. Пришедшая извне новая религия как бы обрамляет существующее старое. При формировании социальной структуры,

тесно связанной с психологией народа, происходит то же самое.

Г. Лебон утверждал, что «жизнь народа, его религия, устройство организаций, искусство – видимые проявления его скрытой души. Преобразование собственных учреждений, верований, искусства любого народа предполагает переделку его души» [3; 13]. Вместе с тем, меняющиеся социальные условия могут корректировать в сознании народа смысл категорий, составляющих базис общественной морали.

Ученое сообщество с давних пор занято обсуждением зависимости психических характеристик народов от природной среды обитания, так как все народы существуют в условиях определенной географической среды. Здесь просматривается античная мысль о влиянии природы на психику индивида, тем самым, на судьбу и национальный характер народа. В ранней стадии этногенеза природа формирует навыки труда, цветовую гамму картины мира. Животные, обитающие на рассматриваемой территории, являются поставщиком персонажей легенд, притч, сказок, что позволяет получать наглядные и мифологизированные представления о мужестве и трусости, силе и ловкости, канолах духовной и телесной красоты.

Л.Н. Гумилев связывает хозяйственную деятельность с природной средой, географией территории, способностью людей к адаптации. Характер институтов управления, по мнению автора, связан со способом производства и особенностями хозяйственной деятельности. «Этносы всегда связаны с природным ландшафтом, который определяет потенциал этнического коллектива в период его возникновения, а возникший этнос изменяет ландшафт исходя из своих потребностей. Далее возникает привычка к существующей обстановке а привязанность к ландшафту бессознательно хранится в индивидуальной памяти» [5; 282].

Пища, вода, микроэлементы региона оказывают прямое воздействие на анатомические признаки народа, его питание, мышление и внешние формы, ритм биологической и трудовой деятельности. Всякий этнос, говорит Г. Гачев, такое же порождение собственной земли, как животные и растения различных пород и видов. Жажда и голод ограничивают независимость и совершенство индивида, а пища выступает частью национального Космоса, внешнего мира. Входя в нас, в святилище нашего внутреннего мира, еда становится как бы посредником между внешним миром и нашей внутренней жизнью [6].

Известная «формула» Ле Пле – Место-Труд-Население – подразумевает, что среда обитания и территория определяют характер труда населения, специфику семейных отношений и даже форму собственности. То есть облик семьи определяется природной средой. К такому же выводу пришли его последователи, Демолон, изучавший степные народы, и Анри де Турвиль, сферой интересов которого была семья партикуляристского типа. В их исследованиях социальных систем различных этносов природная среда определяет и продукты питания, и специфику труда, и тип семьи, и форму собственности [7; 231-241].

Это позволяет нам предположить, что характер социально-политического устройства социума, его культурной специфики является следствием природно-географического ландшафта. Флора и фауна, климат и рельеф местности во взаимодействии с социумом определяют и тип производства (хозяйственной деятельности), и тип культуры. Вся человеческая история – это история воздействия географической среды на все стороны общественных отношений.

Каждый народ, преобразовывая и осваивая природную среду обитания, пропитывает ею собственную жизнь, свой быт, мысли и душу.

История народа есть диалог не только с природной средой, но и с другими народами, с которыми он вступает в контакты в культурной, дипломатической, торговой и военной сферах. Национальное самосознание народа не предполагает изоляции, так как оно возникает только в результате сравнения себя с другими народами, оно проявляется лишь в актах сравнения с другими, которые представляют собой многогранное зеркало, данное народу для рефлексивного многогранного познания себя [7; 31].

Войны выступают одним из факторов общения и знакомства с другими народами. Ф. Энгельс, исследовавший опыт ведения боевых действий горскими народами Кавказа, характеризует его следующим образом: «Мощь кавказских горцев заключалась в их постоянных вылазках с гор на равнины, в неожиданных и внезапных нападениях на русские аванпосты и позиции, в молниеносных набегах в тыл русских передовых линий, в засадах. Короче, горцы были легче и подвижнее, нежели русские, и они полностью использовали это преимущество. Успех горцев заключался в их наступательной тактике» [8; 177].

Горские народы были возвеличены и воспеты в русской литературе. Описание черкесов и природы Кавказа мы находим в стихотворном послании В.А. Жуковского к К.А. Войкову, находившемуся в районах боевых действий русской армии на Кавказе.

М.Н. Афасижев говорит: «Озвученные А.С. Пушкиным образы черкесов превосходят другие сословия и народности России. В мировой литературе немногие могут сравниться с ними – разве что герои «Илиады». Так, Пушкин не восхвалял никого. Всегда склонный к иронии, при описании черкесов он как бы забывал об этой черте своего таланта. Сочувствие горским народам в их борьбе против завоевательной политики царизма на Кавказе просматривается в «Кавказском пленнике». Поэт видит

два сценария возможности применения горцев с Россией – приобщение горцев к христианству и развитие торговли. Можно сказать, что Пушкин положил начало кавказской теме и особенно при изображении природы и образов героических, воинственных племен, сопротивляющихся гораздо более многочисленному противнику [9; 443-445].

В поэмах М.Ю. Лермонтова Кавказ – оазис вольности и свободы, опасностей, страна героев, достойных прославления.

В «Казаках» Л.Н. Толстого мы видим противопоставление России и Кавказа. Так, герой романа, уставший от пустой и развратной московской жизни, уезжает на Кавказ и там возрождается в новом праведном образе.

Образ черкесов, изображенных Ф.М. Достоевским в «Записках из мертвого дома», написанных по личным впечатлениям писателя в период его нахождения на каторге, потрясает. «В первый же мой день в остроге я резко заметил его (старшего из трех братьев, осужденных за ограбление армянского купца). Нельзя было не заметить его доброго, симпатизирующего лица среди злых, угрюмых и насмешливых лиц остальных каторжных [10; 451]. Особые симпатии отнесены младшему из братьев: «Это, впрочем, была сильная и стройная натура, несмотря на видимую свою мягкость. Он был целомудрен, как чистая девочка, и чей-нибудь скверный, циничный, грязный или несправедливый, насильственный поступок в остроге зажигал огонь негодования в его прекрасных глазах, которые делались оттого еще прекраснее. Но он избегал ссор и брани, хотя вообще не из таких, которые бы дали себя обидеть безнаказанно, и умел за себя постоять. Вообще, скажу заранее, я считаю, Али был далеко не обыкновенным существом, и вспоминаю о встрече с ним как об одной из лучших встреч» [10; 453].

Из многочисленных описаний русских офицеров и путешественников мы знакомимся с нравами и бытом черкесов. В период ожесточенной войны существовал «культурный обмен» между противоборствующими сторонами: русские приобщались к нравам и обычаям горцев, их ведению боевых действий, переняли одежду, оружие; горские народы приобщались к русской культуре. Стратегия и тактика горцев вырабатывались и применялись исходя из сложившейся здесь экономики. Не имея возможности противопоставить мощной русской армии такую же свою армию, уклоняясь от масштабных сражений, горцы вели постоянную и упорную партизанскую войну.

Тысячелетний опыт сосуществования различающихся между собой кавказских народов породил особое ментальное состояние, нашедшее выражение в понятиях «кавказец», «кавказская цивилизация». В культурном отношении Кавказ плюралистичен ввиду отсутствия «титульного этноса» или «этноса-лидера». В то же время существует масса аргументов в пользу единых цивилизационных особенностей. Схожие природно-ландшафтно-географические условия, виды хозяйственной деятельности, условия быта, обычаи, традиции, нравственные установки подтверждают последнее. У кавказских народов общая этничность (смесь культуры и менталитета), которая их характеризует, объединяет и отличает от всех других народов. Между кавказскими народами существует большое количество культурных заимствований в разных сферах жизнедеятельности, несмотря на их мозаичность. Схожесть кодексов чести, родственные связи, доминирование мужского начала и активная общинная жизнь выступают основой культурного родства народов Кавказа, их общей этничности. Здесь просматриваются различные уровни религиозной и этнической самоидентификации.

Например, чеченцы и ингуши, определяя себя разными народами, тем не менее, подчеркивают свое этническое родство (они относятся к вайнахской, или нахской, языковой группе). Также свое этническое родство ощущают адыги, абхазы, абазины, черкесы (относящиеся к адыго-абхазской языковой группе народов). Народы, говорящие на индоевропейских и тюркских языках, также определили собственное место в рамках общекавказской самоидентификации.

Сохранение генеалогической идентичности – основная задача и черта кавказцев, подтверждением чему служит фиксируемое практически у всех горских народов стремление к сохранению «чистоты крови», что проявляется в негативном отношении к смешанным бракам. Сосуществование на территории Кавказа большого количества этносов, сопряженное с ярко выраженным стремлением к сохранению своей этнической идентичности, провоцировало напряженные отношения и конфликты между ними, формировало особенности ментальности. Образ Защитника-Воина собственной земли, племени, рода, семьи и родного очага – едва ли не важнейший в обиходе архетипов горских народов. Этим и объясняется существующая высокая мобилизационная готовность к защите свободы своего народа, чести и достоинства [11].

Воспроизводство родоплеменных ценностей, фиксация кровнородственных связей в отношении к «другим» – важнейшая отличительная черта кавказцев. Приоритетность кровнородственных связей скрыто проявляется к человеку вне зависимости от степени родства с ним и его этнической принадлежности, если актору взаимодействия необходимо установление дружеских отношений с ним. Однако все исследователи жизни кавказцев отмечают амбивалентность в отношении к «чужакам»: незнакомец, вошедший в дом, окружается теплым приемом

и гостеприимством, если же встреча с чужаком произойдет за пределами дома, его могут ограбить и даже убить [11; 10].

В этом примере, с одной стороны, просматривается влияние архетипа Дом, продуцирующего рефлексии жилища как пространства, в котором недопустимы любые акты агрессии, с другой стороны – существующее и сегодня особое отношение горских народов к социальным нормам: система права в общественном сознании воспринимается настолько, насколько она не противоречит естественному праву, закреплённому в обычаях и традициях. При возникновении дилеммы между соблюдением закона, запрещающего совершение насилия над любым человеком вне зависимости от его этнического, социального статуса, и традицией горец нередко отдаёт предпочтение последнему. При этом нарушение закона рассматривается как нормальное явление, если это деяние не противоречит традиции [12; 4]. Итак, горы оказывают влияние на психологию и весь образ жизни народов.

Горцы всегда находились в экономической зависимости от населения равнин, обладавшего более предпочтительными условиями для ведения хозяйственной деятельности. В условиях современного мира подобное разделение носит условный характер, но, к примеру, чеченские события показали психологические отличия между представителями «мягких» равнинных и «жестких» горных тейпов [13; 223].

Другую связь между социальной средой и природными особенностями представил С.А. Арутюнов, отмечая их плавное изменение по оси с Северо-Запада на Юго-Восток – от равнин в направлении горной гряды. «Падает плодородность почв, увлажненность, уменьшается количество пахотных земель, и нарастает изрезанность и гористость рельефа и местности. Вместе с тем, нарастает влияние ислама, падает

уровень европеизации и общей урбанизации, снижается и доля русских в составе населения (70% в Адыгее, менее 9% в Дагестане) [14; 22]. В этом же направлении возрастает этническая напряженность и этническая мозаичность.

В этничности народов Кавказа, по мнению Г.У. Солдатовой, доминируют две тенденции. Первая – остатки неистребимого горского менталитета, формировавшегося многие столетия, который с Кавказской войны систематически изживался. Вторая – советский менталитет, которому горские народы оказались подверженными в разной степени, так как достижения «русификации», а далее «советизации», зависели от уровня и силы противостояния горской психологии внешним воздействиям чужеродного характера [13; 223]. При наличии советской идентичности горские народы имели и свою этническую идентичность, что и определило распад Советского Союза в этом регионе.

Взяв за основу теоретические выкладки Г. Лебона, автор пишет: «Главные черты этноса просматриваются в условиях его беспокойства и недовольства, которыми являются ситуации межэтнической напряженности. В такой ситуации актуализируются определенные качества этноса, которые сформировались в процессе его исторического развития как наиболее адаптивные способы поведения. Список этих качеств определяется на основе психологических универсалий, рассматриваемых как основные дилеммы, организующие мотивацию социального поведения личности в северокавказских культурах и определяющие личностный выбор в проблемных ситуациях... Кавказские этносы в контексте этих психологических универсалий характеризуются как традициональные, андроцентрические и радикальные [13; 225].

Все кавказские этносы трудно модернизируемы, их характеризует стремление к сохранению

традиционного жизненного уклада. Возрождение в Кавказском регионе традиционных социальных институтов свидетельствует о тяготении кавказских этносов к прошлому.

В качестве примера рассмотрим институт «кровной мести», к которому апеллировали одни народы для оправдания собственного агрессивного поведения в отношении других этносов.

Касаясь этого вопроса, П. Гарб пишет: «Абхазские солдаты после освобождения оккупированной грузинами территории совершали преступления, подобные тем, которые были совершены грузинскими войсками против их собственных семей. Подобное происходит в любой войне, но в абхазской культуре это воспринимается сквозь призму правил кровной мести, и поэтому с этим мирятся либо не осуждают, а исполнителей не преследуют» [15]. Кровная месть представляла собой важный мотив для некоторых абхазских солдат против грузин в период боевых действий.

Андроцентричность кавказских культур очевидна, так как женщинам отводятся функции, определяющиеся домашним хозяйством. Однако женщины в Абхазии никогда не были бесправными. В Абхазии даже в период распространения ислама (XVII-XVIII вв.) женщины не надели паранджу и всегда занимали достойное положение.

Традиция почитания старших занимает особое место в культуре кавказских народов. В подобных исследованиях ученые оперируют понятиями «социального» и «биологического» возраста, которые позволяют определить соотношение социального и биологического уровней в иерархии общественных статусов. Например, в абхазском обществе главой рода выдвигается человек зрелый и деятельный, возраст принимается в расчет при оказании почестей. Реальное руководство родом осуществляют активные и влиятельные мужчины, а

старики остаются объектом традиционного почитания. Возникший в недрах традиционного общества, институт старейшин существует и в настоящее время и определяет наиболее важные проблемы семьи, социума, однако сегодня он частично нивелирован.

Кавказские культуры радикальны, для них характерна аффективная вовлеченность в происходящее. Эмоциональная сдержанность не имеет отношения к кавказцам, они склонны подчеркивать свои чувства. Культ силы, сложившийся исторически в жизни и образе кавказских народов, занимает важное место и сегодня. У кавказцев собственный специфический способ восприятия и мышления в условиях конфликтных ситуаций: склонность к силовым решениям как наиболее верному, хотя и радикальному способу разрешения конфликтных ситуаций [13; 240-243].

Кавказский суперэтнос в контексте психологических универсалий и межэтнической напряженности внутренне и внешне конфликтен.

Территория Кавказа – это зона пассионарности (Л.Н. Гумилев) и синергетического самоструктурирования, на этом пространстве идут активные процессы нациогенеза. Кавказ является территорией повышенной пассионарной активности, о чем свидетельствует повышенное национальное самознание и жертвенная активность, даже вопреки чувству самосохранения. Регламентированность и общинность составляют основу консолидации, диктуют необходимость участия и мобилизации каждого в условиях угрозы этнической общности. Как правило, инициаторами конфликтных ситуаций являются лидеры этнических общностей, преследующих цели изменения ситуации в интересах их общности. Активность этих лидеров, их ориентацию на конфронтацию в социуме не следует оценивать только отрицательно, так как их стремления

к переменам часто справедливы по отношению к собственной этнической группе, которую они представляют.

Острые межэтнические конфликты, которые пережила Россия в новейшей истории, объясняются рядом факторов: военными действиями; разрушением политических и экономических взаимосвязей; отсутствием научно обоснованной национальной и религиозной политики. В сложившихся условиях повышается значимость национально-культурных установок, этнических ценностей и норм, специфических особенностей этносов.

В Кавказском регионе сосуществуют многочисленные древние

этносы, обладающие собственными традициями. Здесь сформирована сложная система культур, каждая из которых характеризуется собственной идеей, иерархией этнокультурных ценностей, системой взаимоотношений традиционных культурных институтов и религиозного сознания. Представляется, что государственная политика на этой территории возможна лишь с учетом культурно-цивилизационной общности проживающих здесь народов, своеобразия их менталитета. Без учета этих специфических особенностей возможности управления и прогнозирования социальными процессами в Кавказском регионе ограничены.

Примечания:

1. Социологическая энциклопедия / под общ. ред. А.Н. Данилова. Минск, 2003. 384 с.
2. Барулин В.С. Русский человек в XX веке. СПб, 2000. 431 с.
3. Психология толпы: социальные и политические механизмы воздействия на массы. М.; СПб: Эксмо: Terra Fantastica, 2003. 794 с.
4. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М.: Эксмо, 2006. 800 с.
5. Гумилев Л.Н. Этносфера: история людей и история природы. М., 1993. 544 с.
6. Гачев Г. Ментальности народов мира. М.: Эксмо, 2003. 544 с.
7. Сорокин П.А. Школа Фредерик ле Пле // Социология. 2005. № 1. 256 с.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. XI, ч. I. М.: Полит. лит., 1957.
9. Мир культуры адыгов / сост. и науч. ред. Р.А. Ханаху. Майкоп: Адыгея, 2002. 516 с.
10. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. М., 1956.
11. Мусукаев А.И. Об обычаях и законах горцев. Нальчик, 1986. 151 с.
12. Заславская Т.И., Шабанова М.А. Неправовые трудовые практики и социальные трансформации в России // Социологические исследования. 2002. № 6. С. 3-17.
13. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 386 с.
14. Арутюнов С.А. Швейцарская модель гор Кавказа // Новый Вавилон 1995. № 2. С. 14-17.
15. Garb Paula. The Return of Refugees Viewed through the Prism of Blood Revenge // The Anthology of East Europe Review. 1995. Vol. 13, No. 2.

References:

1. Sociological encyclopedia // general ed. by A.N. Danilov. Minsk, 2003. 384 pp.
2. Barulin V.S. A Russian person in the 20th century. SPb., 2000. 431 pp.
3. Psychology of the crowd: social and political mechanisms of influence on the masses. M.: Eksmo; SPb.: Terra Fantastica. 2003. 794 pp.
4. Spengler O. Sunset of Europe. Essays on the morphology of world history. M.: Eksmo, 2006. 800 pp.
5. Gumilyov L.N. Ethnosphere: history of people and history of nature. M., 1993. 544 pp.

6. Gachev G. *Mentalities of the peoples of the world*. M.: Eksmo, 2003. 544 pp.
7. Sorokin P.A. *School of Frederic le Ple* // *Sociology*. No. 1. 2005. 256 pp.
8. Marx K. and Engels F. *Works*. Vol. XI, Part I.
9. *Culture world of the Adyghe* // comp. and scientific ed. by R.A. Khanakhu. Maikop: GURIPP Adygheya, 2002. 516 pp.
10. Dostoevsky F.M. *Collected Works*. In ten volumes. Vol. 3. M., 1956.
11. Musukaev A.I. *On the customs and laws of highlanders*. Nalchik, 1986. 151 pp.
12. Zaslavskaya T.I., Shabanova M.A. *Non-legal labor practices and social transformations in Russia* // *Sociological Studies*. No. 6. 2002. P. 3-17.
13. Soldatova G.U. *Psychology of interethnic tension*. M.: Smysl, 1998. 386 pp.
14. Arutyunov S.A. *Swiss model of the Caucasus Mountains* // *New Babylon*. No. 2. 1995. P. 14-17.
15. Garb Paula. *The Return of Refugees Viewed through the Prism of Blood Revenge* // *The Anthology of East Europe Review*. Vol. 13. No. 2, 1995.